Андрей ***ГАНИН,***
кандидат исторических наук

ГЕНШТАБ ИЗГНАННЫЙ

*Грани статистики**

Революция и Гражданская война выбросили из страны в эмиграцию сотни тысяч соотечественников, в основном представителей старой интеллигенции и ветеранов антибольшевистской борьбы, многим из которых уже не было пути назад. Среди отторгнутых родиной было немало членов корпуса офицеров Генерального штаба, составлявшего военную элиту Российской империи. В этом нет ничего удивительного, учитывая, что именно Генштаб оказался у руля антибольшевистских армий и фронтов.

В эмиграции оказались практически все генштабисты, занимавшие высшие посты в антибольшевистских армиях, за исключением тех, кто попал в плен, покончил с собой или погиб. Как известно, четверо из пяти командующих белыми фронтами периода 1919–1920 годов — А. И. Деникин, П. Н. Врангель, Н. Н. Юденич, Е. К. Миллер — были генштабистами, и все они оказались в эмиграции. Помимо ветеранов антибольшевистской борьбы, в эмиграции оказались и те генштабисты, которые бежали от красных, но от борьбы с ними уклонились.

Исход генштабистов не был единовременным процессом. Часть офицеров осталась за рубежом или бежала за границу (прежде всего через Финляндию и Украину) в связи с революционными событиями и началом Гражданской войны задолго до основного потока военной эмиграции в 1920 году. К этой категории, например, можно отнести практически всех русских военных агентов. Основные же потоки эмиграции были привязаны к периодам поражения тех или иных антибольшевистских фронтов.

Данные о численности генштабистов-эмигрантов, получившие к настоящему времени распространение, не соответствуют действительности. По подсчётам А. Г. Кавтарадзе, в эмиграции оказалось лишь 225 генштабистов[1]. Однако в нашем распоряжении имеются документы, позволяющие утверждать, что эта цифра занижена почти втрое (в 2,8–3,2 раза в зависимости от методики подсчёта: включения в расчёты курсовиков — выпускников ускоренных курсов военной академии). Общий поток офицеров-эмигрантов, по некоторым данным, превышал 50 000 человек, включая свыше 3000 генералов[2].

Рассмотрим два уникальных списка генштабистов, оказавшихся за пределами Советской России к 1 августа 1922 и к 1 марта 1924 года, составленные в штабе Врангеля отделением по службе Генштаба[3]. Данные этих списков позволяют осуществить сравнительно точный подсчёт эмигрировавших генштабистов. По мере возможности, ошибки и пропуски в списках были устранены, а сами списки при сравнении взаимно дополнены. В списке 1922 года, вопреки ошибочному утверждению Н. Н. Рутыча[4], содержатся данные о 704 выпускниках академии, 19 из которых находились в белом Приморье (т. е. фактически в эмиграции было 685). В это число входят 92 выпускника ускоренных курсов. В списке 1924 года указано 726 человек (в том числе 93 курсовика), включая вернувшихся в СССР и умерших.

Всего в двух списках содержатся достоверные сведения о 737 выпускниках академии Генштаба. 641 из них окончил академию до 1917 года и 96 — ускоренные курсы в 1917–1918 годах (в списках учитывались лишь выпускники курсов 1-й и 2-й очереди, тогда как выпуски 3-й

*Публикация подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта № 08-01-00052а «Генеральный штаб в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

Штаб генерала П. Н. Врангеля. Стоят (слева направо): генералы Б. А. Штейфон (2-й), З. А. Мартынов (5-й), Е. К. Климович (6-й), П. А. Кусонский (8-й), Э. В. Экк (9-й), Врангель (11-й), Н. Н. Баратов(13-й), А. П. Архангельский (15-й), В. Э. Зборовский (21-й); полковник К. Ф. Зерщиков (28-й), секретарь Врангеля Н. М. Котляревский (10-й); сидит третий слева подпоручик В. Х. Даватц. Сремски Карловцы. Сербия. 22 марта 1925 г.

Чин	Выпускники академии до 1917 года	Курсовики	Итого
полные генералы	35	—	**35**
генерал-лейтенанты	124	—	**124**
генерал-майоры	217	—	**217**
полковники	245	42	**287**
подполковники	15	25	**40**
капитаны	5	18	**23**
штабс-капитаны	—	11	**11**
Итого:	**641**	**96**	**737**

и 4-й очередей 1918–1919 годов учтены не были). Данные о чинах, в которых пребывали эти офицеры к концу Гражданской войны, представлены в таблице.

Цифры достаточно впечатляющие, особенно если учесть, что по данным на 25 октября 1917 года в Генштабе формально числилось лишь 1494 офицера[5]. Несколько офицеров Генштаба погибло или умерло в эмиграции ещё до издания списка 1922 года[6]. Кроме того, в 1922–1924 годах за пределами Советской России умерло не менее 16 генштабистов. В целом, к 1924-му численность эмигрантов-генштабистов сократилась за счёт потерь умершими и уехавшими в Советскую Россию примерно на 40 человек, но в связи с падением белой власти на Дальнем Востоке в 1922-м произошло прибавление.

Попытаемся рассчитать примерные потери кадров Генштаба в результате революции и Гражданской войны. По совокупности данных процент генштабистов, изгнанных из страны, даже без учёта курсовиков составляет 43% их корпуса на октябрь 1917 года. За пять лет Гражданской войны погибло не менее 175 выпускников академии Генерального штаба (без учёта курсовиков), однако даже с учётом этих данных процент эмигрантов всё равно не достигает половины. В результате стремительного чинопроизводства периода Первой мировой и Гражданской войн среди генштабистов-эмигрантов, даже сравнительно молодых, основную массу (95,4%) составляли штаб-офицеры (в основном полковники) и генералы. По каким-то причинам наиболее широко в эмиграции были представлены выпуски 1899, 1908 и 1912 годов. Несколько меньше было выпускников 1903, 1911 и 1913–1915 годов. Старейшими генштабистами-эмигрантами были генерал от кавалерии барон А. В. Каульбарс (1844 года рождения) и генерал от инфантерии Э. В. Экк (1851 года рождения). Титулованная знать среди генштабистов-эмигрантов была представлена не очень широко. В списках указаны лишь 5 баронов, 4 князя и 3 графа. Нельзя не отметить большое количество носителей немецких фамилий (не менее 14% выпускников до 1917 года).

Основными странами генштабовской эмиграции стали Югославия, Франция и Китай, в меньшей степени Германия. На страны Европы в 1922–1924 годах приходилось от 85,4% до 91,6% всех офицеров Генштаба. Основной их поток на востоке после поражения белых оказался в Китае, а затем в США.

В обществе офицеров Генерального штаба в Турции на 23 июля 1921 года числилось 58 членов, ровно год спустя — 44[7]. Постепенно росло число генштабистов в Америке. По данным списков, в США к 1922 году было лишь пять генштабистов, а к 1924 году уже 18 и один в Латинской Америке.

В Югославии уже на 1922 год находилось не менее 312 офицеров Генштаба, а спустя два года к ним добавилось ещё не менее 23 человек. В Обществе офицеров Генерального штаба в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС) на конец 1923-го значилось 323 человека (в распространённых в литературе данных о наличии лишь 318 членов[8] допущена неточность). Речь идёт только о тех офицерах, кто посчитал необходимым вступить в эту организацию. В общей сложности в обществе значилось 263 офицера Генштаба, 48 причисленных к Генштабу и 12 соревнователей[9]. Эти цифры подтверждаются данными Иностранного отдела ОГПУ, согласно которым число членов общества офицеров Генерального штаба в КСХС достигало 300 человек[10].

Крайне интересны итоги статистического обследования офицеров Генерального штаба в Югославии, подведённые в январе 1924 года. По этим данным, до 300 генштабистов прибыли в КСХС в период 1920–1922 годов, причём 75% из них относились к крымской эвакуации, «к наиболее нуждающейся части беженцев»[11]. Средний возраст офицеров составлял 40–50 лет, лиц свыше 55 лет насчитывалось порядка 15%. Внутри страны генштабисты распределились следующим образом: на первом месте с большим отрывом лидировал Белград (70 человек), затем — Суботица (14), далее Земун и Новый Сад — по 12 и, наконец, Сремски Карловцы, где находился штаб Врангеля — 10 офицеров. В остальных пунктах генштабисты компактных и многочисленных групп не образовали[12].

Вопрос о трудоустройстве был животрепещущим, и в обследовании ему уделялось повышенное внимание. Было установлено, что 65 генштабистов поступили на работу землемерными техниками и чертёжниками. Связано это с деятельностью генерала И. С. Свищева, который

Доклад генерала И. Г. Барбовича (второй справа) главнокомандующему генералу барону П. Н. Врангелю. Крайний слева генерал В. В. Крейтер.

Профессор академии Генерального штаба М. А. Иностранцев в России (около 1915 г.) и в эмиграции (около 1930 г.). ГАРФ. Публикуется впервые.

организовал несколько очередей землемерных курсов и сумел осуществить переподготовку десятков генштабистов в соответствии с запросами сербского рынка. Новоявленные землемеры работали в Генеральной дирекции кадастра (20 человек), в городских кадастрах (10), в Министерстве аграрной реформы (15), в Министерстве Граевина (10), в Дирекции воды (5) и по Государственной триангуляции (5)[13]. Ещё около 60 человек служили в канцеляриях: Державной комиссии (20 человек), Военном министерстве (20), в статистических отделах разных министерств (15). Учителями работали 12 человек. В дирекции Государственных железных дорог и на линии служили 10–15 человек. В реквизированных имениях работало 6 бывших офицеров и 10 человек трудились на частных коммерческих предприятиях. Восемь старших офицеров служили в Главном Генеральном штабе сербской армии (генералы М. А. Пржевальский, А. М. и В. М. Драгомировы, Н. А. Обручев, В. А. Артамонов, В. И. Баскаков, А. Н. Шуберский, Б. М. Стахович). Они вели разбор архивов австро-венгерской армии, приводили в порядок библиотеку Генштаба, занимались самостоятельной работой по составлению истории боевых действий на Македонском фронте в 1916–1918 годах. В общей сложности трудоустроено было более 260 офицеров[14].

Итак, в 1922–1924 годах на Сербию приходилось 42–45% генштабистов-эмигрантов, что неудивительно, ведь именно здесь, а также в Болгарии, были расположены основные части врангелевской армии. В Болгарии находилось примерно в три раза меньше офицеров Генштаба (на 1922 год — 112 человек), поскольку органы военного управления Русской армии были сосредоточены именно в Сербии, а болгарское правительство аграриев Александра Стамболийского опасалось вовлечения белых частей в болгарскую внутриполитическую борьбу и всячески преследовало эмигрантов (в частности, ряд офицеров, в том числе генштабисты П. Н. Шатилов, В. Е. Вязьмитинов, М. М. Георгиевич, Б. А. Штейфон, Е. К. Миллер и другие[15], были высланы в Сербию). Во Франции к середине 1924 года было всего примерно 58 генштабистов[16], и, судя по всему, Франция так и не превзошла Югославию по числу генштабистов-эмигрантов.

Первые годы существования в эмиграции были особенно трудны. Генерал М. А. Свечин вспоминал: «Увы, обстановка, которая нас приняла за границей, была безотрадной. В то время ещё отсутствовала какая-либо организация по защите прав и интересов беженцев, как и не существовало домов для престарелых. Кто смог захватить с собой какие-либо ценности, распродавали их за бесценок. Более молодые, сохранившие своё здоровье, поступали на какую-либо работу, главным образом, рабочих. В лучшем положении были специалисты и техники. Старики и инвалиды были в особо отчаянном положении»[17]. Не вынеся тягот первых лет эмиграции, некоторые генштабисты вернулись в Россию. Среди них генералы Я. А. Слащов, Н. Т. Сукин, Е. С. Гамченко, П. И. Липко, полковники В. Ф. Оржановский, А. И. Саватеев, В. В. Корчаков-Сивицкий, А. П. Вохмин, подполковник Н. Ф. Соколовский, капитан А. С. Ролько. Позднее уехали генералы С. К. Добророльский, М. В. Фастыковский, Е. И. Достовалов. Действительно крупной, знаковой фигурой среди них был только генерал Слащов, возвращение которого повлекло за собой поток желающих вернуться. Этот поступок Слащова был подстёгнут его конфликтом с Врангелем, увольнением со службы и преданием вопреки закону суду чести, а также усилиями сотрудников ВЧК. В ноябре 1921 года Слащов прибыл в Севастополь, где его встречал лично Дзержинский, придававший возвращению белого генерала большое значение. По прибытии генерал

Я. А. Слащов.

передал чекистам некоторые сведения о состоянии врангелевской армии, дал характеристики начальствующего состава. В дальнейшем русская военная эмиграция стала предметом пристального внимания и борьбы советской разведки. «Сменовеховские» настроения приобрели определённую популярность в среде генштабистов. Против продолжения борьбы с большевиками уже в 1922 году выступили такие генералы-генштабисты, как Е. И. Достовалов, С. К. Добророльский, а также А. К. Келчевский и В. И. Сидорин, авторитетные в казачьей среде. Сменовеховцами считали генералов А. А. Носкова и П. И. Залесского[18]. Под коллективной декларацией о признании советской власти и стремлении вернуться на родину среди прочих русских офицеров в Болгарии подписался Генштаба полковник А. П. Вохмин[19]. В 1928 году генерал Д. Р. Ветренко вместе с семьёй был выслан из Польши в СССР в связи с обвинением в шпионаже[20]. В конце 1920-х в СССР из Китая уехали генералы С. А. Зубковский, И. В. Тонких, А. Н. Шелавин. Генерал А. И. Андогский,

наоборот, отказался от советского паспорта и был в связи с этим уволен с КВЖД[21]. Судьба большинства вернувшихся на родину сложилась трагично: они были расстреляны в конце 1930-х.

Следующим мощным ударом по генштабовской эмиграции стала Вторая мировая война, в период которой и после её окончания погибли или были депортированы в СССР и репрессированы, по нашим данным, не менее 36 генштабистов-эмигрантов. В результате естественной убыли, а также советских репрессий к началу 1950-х годов старый русский Генштаб практически сошёл со сцены жизни в эмиграции.

Примерный расчёт смертности среди оказавшихся в эмиграции генштабистов — участников Гражданской войны, о смерти которых есть точные данные, по десятилетиям представлен в таблице (без учёта вывезенных в СССР и умерших там, а также не участвовавших в Гражданской войне).

Десятилетие	Умерло (не менее)
1920-е годы	71
1930-е годы	142
1940-е годы	123
1950-е годы	78
1960-е годы	91
1970-е годы	40
1980-е годы	7
Итого:	**552**

Из таблицы, несмотря на отсутствие окончательных данных, видно, что 60% генштабистов-эмигрантов ушло из жизни уже к концу 1940-х. При этом некоторые генштабисты оказались долгожителями. Так, полковник Б. А. Дуров прожил почти 98 лет, полковник П. В. Колтышев — 94 года, генерал Ф. Ф. Абрамов — 93 года, но погиб в результате автомобильной катастрофы, генерал М. Н. Кальницкий — свыше 90 лет, генерал граф Н. Н. Игнатьев — почти 90 лет. Впрочем, это были скорее исключения, так как постоянные нервные потрясения, которыми сопровождалась жизнь изгнанников, не способствовали здоровью и долголетию. Многие генштабисты нашли своё последнее пристанище на Ольшанском кладбище в Праге, Новом кладбище в Белграде, кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Кубанский атаман В. Г. Науменко — последний генштабист-эмигрант.

Академический знак Науменко, переданный в Россию (в Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына) его дочерью Н. В. Назаренко. Альбом «Казаки России».

Последним оставшимся в живых выпускником старой академии оказался кубанский атаман генерал-лейтенант В. Г. Науменко (выпуск 1914 года), который скончался в США 30 октября 1979 года. До 1980-х годов дожили курсовики полковники В. М. Ажогин, П. В. Колтышев, К. Л. Кононов-Кононович, В. Н. Ставрович, капитаны А. П. фон Энден, А. Я. Яновский. Судя по всему, последним живым выпускником ускоренных курсов оставался капитан-колчаковец Г. С. Думбадзе, который скончался 24 января 1989-го. На этом — практически уже в наши дни — завершилась героическая и трагическая история русского Генштаба в изгнании. Символично, что как раз в то время, когда ушёл из жизни последний выпускник старой академии, в конце 1980-х годов, забытые имена генштабистов-эмигрантов начали возвращаться в Россию. Возвращаться не в качестве поверженных и кающихся врагов, а в роли незаслуженно отторгнутых страной достойных её сынов, смыслом жизни которых было служение России. В Москве торжественно перезахоронены останки генералов-генштабистов А. И. Деникина, В. О. Каппеля, Н. С. Батюшина. На родину вернулись идеи эмигрантов, их книги и статьи. К настоящему времени в нашей стране уже переизданы созданные в изгнании военно-исторические, военно-теоретические и мемуарные труды десятков офицеров Генерального штаба. Многие из них по-своему уникальны и заслуженно относятся к классике военной мысли. Сам факт прихода этих произведений на родину, спустя почти столетие, означает, что опыт и знания офицеров Генштаба не пропали зря и будут востребованы в новой России, к чему и стремились вынужденные изгнанники.

Примечания

1. Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М. 1988. С. 197.
2. Домнин И. В. Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской военной эмиграции // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. М. 2000. С. 489.
3. Список офицеров Генерального штаба, причисленных к оному, и курсовиков Николаевской военной академии, находящихся за рубежом Советской России. По данным к 1-ому августа 1922 года. Издание Отделения Генерального Штаба, Штаба Главнокомандующего Русской армией. Оригинал списка находится в архиве Н. Н. Рутыча и предоставлен автору А. С. Кручининым. Список 1922 года был сверен со вторым известным списком к 1 марта 1924 года из собрания Государственного архива Российской Федерации: ГАРФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 92.
4. Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооружённых Сил Юга России. М. 1997. С. 10.
5. Кавтарадзе А. Г. Указ. соч. С. 194.
6. Только в 1920–1921 годах за пределами России были убиты генералы И. П. Романовский и А. И. Дутов, умерли генералы А. П. Попов, Н. А. Клюев и А. М. Шифнер-Маркевич, курсовики полковник А. А. Дурасов, капитан С. М. Измайлов и штабс-капитан А. К. Капустовский; итого не менее 8 офицеров. На родину в 1921–1922 годах вернулись также не менее одиннадцати офицеров, причём генерал И. И. Смольнин-Терванд, полковник С. И. Костров, подполковники В. Н. Троицкий и М. Т. Евстратов сделали это не по своей воле, а были захвачены в плен монгольскими войсками и переданы советским представителям. Украинский генерал В. И. Галкин был захвачен летом 1921 года на советской территории, куда он пробрался с целью организации повстанческих выступлений — Государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 161 (220). Л. 183 об., 188 об., 221.
7. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). М. 1994. С. 66.
8. Там же. С. 69; Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М. 2001. С. 351.
9. ГАРФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.
10. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 4. У истоков «Русского общевоинского союза». 1924 г. М. 2007. С. 208.
11. ГАРФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 86. Л. 124.
12. Там же. Л. 126.
13. Там же. Л. 124.
14. Там же. Л. 124–124 об.
15. Подробнее см.: Даватц В. Годы. Очерки пятилетней борьбы // Русская армия в изгнании. М. 2003. С. 46; Спасов Л. Врангеловата армия в България, 1919–1923. София. 1999. С. 157.
16. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Т. 4. С. 281.
17. Свечин М. А. Записки старого генерала о былом. Ницца. 1964. С. 195.
18. Прянишников Б. В. Незримая паутина. ВЧК — ОГПУ — НКВД против белой эмиграции. СПб. 1993. С. 37.
19. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М. 1986. С. 89.
20. Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М. 2002. С. 166.
21. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 463. Л. 3 об.